Анна Александрова

ПРОКЛЯТО НА 100 ЛЕТ

АННА АЛЕКСАНДРОВА

ПРОКЛЯТО НА СТО ЛЕТ

TREND BOOKS

ПРЕДИСЛОВИЕ

По мотивам легенд о Байкале

МЕЖ ВЫСОКИХ ГОР, в бескрайних лесах разлил прозрачные воды Байкал. Священное озеро, славное сибирское море. Властвует над тем озером великий дух, Хозяин Байкала, служат которому духи помладше: и ветры-великаны Баргузин с Култуком, и богатырша Сарма, и зеленая красавица Тайга. Триста тридцать рек и несметное число ручейков несут в Байкал свои дары и подношения. Все ему поклоняются, все его уважают.

У Хозяина же необузданный нрав. То он ласков и тих, привечает гостей, угощает и потчует, то вдруг вскипит, рассвирепеет, разнесет в щепки, если что ему не по душе. Опасно злить Хозяина.

Народы, что издревле живут на берегах озера, давно привыкли к его переменчивому настроению. Угадывают по дуновению ветерка, что на сердце у Байкала. А особые люди — шаманы, что духов слышат и говорить с ними умеют, — те и вовсе у Великого на службе: несут подарки, жгут жертвенные костры, передают человеческие просьбы. Если в настроении Хозяин, то меняет судьбы просителей, исполняет заветные желания.

Сильные шаманы после смерти своей остаются с Хозяином. Забирает он их к себе в мир бестелесных духов и одаряет способностью оборачиваться в птицу

лесную, в собаку бродячую, в старика или красную девицу. И в том виде бродят они по миру, смотрят на людей, на страны дальние. Но всегда возвращаются, чтобы поведать Хозяину, что на Земле творится, и передать просьбы жаждущих.

Если встретите пса бездомного, не гоните его, не ругайте. Расскажите лучше, о чем мечтаете, да накормите голодного. Может, то слуга великого духа вас послушать пришел.

ГЛАВА 1

СЕСТРЫ

— АЛИСА, ВСТАВАЙ! Лиса! Лисенок, просыпайся. Уже девять. Алис! — Вера тщетно пыталась растолкать младшую сестру. Та спряталась под белоснежным отельным одеялом, как лиса в сугробе. Только пятка торчала. — Лиса, все, я ушла, встретимся в архиве. Встань сегодня хотя бы до одиннадцати. Пора привыкать к новому времени. Если сейчас не встанешь, вечером не уснешь, опять полночи будешь крутиться. А завтра в шесть подъем, помнишь?

Из-под одеяла послышалось недовольное ворчание. Вера ущипнула сестру за пятку и вышла. Дверь громко щелкнула автоматическим замком.

Перед выходом Вера распахнула плотные шторы, впустив июньское солнце в их номер с двумя кроватями. Комната была просторной, светло-бежевой, с видом на набережную Ангары. Из приоткрытой форточки доносились и шепот тополей, и крики детей, и перестук криво уложенной плитки под колесами самокатов.

Сопрев под одеялом, прижатым сверху солнечными зайчиками, Алиса сначала вытащила из-под него ступни, потом распахнулась полностью, повернулась на бок и обхватила одеяло длинными ногами, оголив тело и розовое кружево нижнего белья. Она и прав-

да походила на лису: медно-рыжие волосы, бледная золотистая кожа, усыпанная веснушками, большие лисьи глаза в обрамлении черных ресниц и оттопыренные маленькие ушки, выглядывающие из-под завитков волос. Прикрыв глаза длинным рыжим локоном, как маской для сна, Алиса громко сопела и даже похрапывала с приоткрытым ртом, что никак не вязалось с ее хрупкой внешностью.

Сквозь марево сладкого утреннего сна в ее сознание пробился писк электронного замка. Алиса приготовилась вновь выслушивать Верино ворчание и сжала челюсти, причмокнув губами, но сестра молчала. Почти нырнув обратно в объятия Морфея, Алиса вдруг учуяла неладное в повисшей тишине, резко распахнула глаза и вскочила. Снова щелкнул замок, кто-то захлопнул дверь. Она слезла с кровати, обернулась в одеяло, взглянула на дверь и уперлась взглядом в красную табличку с надписью «Не беспокоить», качающуюся на ручке.

— Блин, Вера! Трудно было повесить, чтобы уборка ко мне не ломилась? — ворчала теперь Алиса с той же интонацией, что получасом ранее сестра.

Все еще кутаясь в одеяло, она вышла в коридор, но никого там не обнаружила. Только длинный ряд одинаковых дверей с крупными цифрами из черненого металла: 310, 311, 312…

Алиса повесила табличку с внешней стороны и закрылась. На всякий случай заперла и ручную задвижку, с сожалением посмотрела на теплую, залитую солнцем кровать, но все же отправилась в душ. Вера права, надо как-то перестраиваться на иркутское время.

Сестры прилетели в сибирскую столицу три дня назад, поселились в хорошем отеле на набережной Ангары, в историческом центре. На завтра у них был

запланирован тур на Байкал, на остров Ольхон. Выезд в семь утра.

Поехать в Иркутск предложила Вера. Она же поездку и спонсировала. Вернее, ее муж, успешный московский предприниматель. Так он решил снизить амплитуду эмоциональных качелей, которые бросали жену из крайности в крайность с начала кризиса среднего возраста. Вере недавно исполнилось тридцать шесть.

Алиса была на двенадцать лет младше Веры. Их с сестрой отношения, сотканные из сестринско-материнских нитей, выкрашенные в дружеские цвета и закрепленные общей утратой, были главной опорой их мира. Они были друг у друга, жили друг для друга и любили друг друга безмерно.

У Веры были уже свои дети: два десятилетних сорванца-близнеца, такие же рыжие, как и их мать с тетушкой. Но именно Алиса была ее старшенькой, ее отдушиной, ее поверенной и подругой одновременно. Теперь, когда Алиса повзрослела и сама стала женщиной, тем более.

Да, идея приехать в Иркутск принадлежала Вере, но это было не просто путешествие. Для путешествий она обычно выбирала более теплые места с морем до горизонта. Это был паломническо-исследовательский тур на историческую родину.

После смерти родителей, погибших в автомобильной катастрофе пять лет назад, Вера решила составить древо рода, собрать данные обо всех предках, до кого дотянутся ее руки сквозь время. По маминой линии все было довольно просто: коренные москвичи, купеческое сословие. Родословная прослеживалась вплоть до начала девятнадцатого века. А вот папины корни уходили одним отростком в стылые земли Сибири. Здесь они терялись на прадеде Арсении

Афанасьеве, чью фамилию, кстати, сестры и носили. Известно было, что прадед переехал в Москву из Иркутска уже взрослым, женился на девчонке из сиротского дома (тут ловить было нечего, даже фамилия у прабабки была не родная, в приюте выданная) и родил с ней сына, Сашу. Он, в свою очередь, произвел на свет Льва Афанасьева, отца девочек. И можно было бы удовлетвориться просто именем, фамилией и годами жизни, но Веру, учуявшую запах родной крови, было уже не остановить. Ей хотелось копнуть дальше, глубже, понять, кто он, Афанасьев Арсений, и почему уехал из Сибири. Как изначально в Сибири оказался, из какой он семьи? Ссыльный дворянин или, может, преступник?! А может, и вовсе раскольник-старообрядец, чьи предки были сосланы сюда еще при Екатерине Второй? Вооружившись обрывками его дневника, найденного на даче, Вера решила ехать в Иркутск — искать дальних родственников, живых и мертвых.

Из-за неудачного служебного романа Алиса недавно лишилась работы. И, недолго думая, она ввязалась в генеалогическую авантюру сестры, хотя сама восторга от поисков не испытывала и походы в архив саботировала. Ей просто хотелось посмотреть Байкал — самое глубокое озеро на Земле, жемчужину мира. Говорят, там обитает дух, способный изменить судьбу. И пока Вера проводила часы в государственном архиве, параллельно отправляя запросы по всей области, Алиса гуляла по городу, гладила бездомных собак, пила свой апельсиновый бамбл и дышала прохладой, поднимавшейся с поверхности прозрачной Ангары.

Город ей нравился, как ни странно. Да, он был маленький, не такой яркий, как Москва, не такой нарядный. Но со своей горсткой изюма внутри. Деревянные

дома со складными ставнями были отреставрированы и выглядели живыми. Они будто берегли себя из последних сил для кого-то. Молодились и прихорашивались, как старые девы, наряжаясь в рюши из белых палисадников и кружево резных фронтонов. Запах сирени, плывущий над городом, добавлял им провинциального шика. Начавшие цвести тополя укрывали улицы пуховым платком.

Современные здания в центре тоже присутствовали, но они, конечно, не вызывали такого интереса. И, проходя мимо них, Алиса закрывала глаза, чтобы послушать город. Говорят же, что женщины любят ушами. Алисе нравилось, как звучит Иркутск. Шум машин присутствовал и здесь, но то был не московский вой шестиполосного движения, а легкое «р-р-р-р» и редкое «фа-фа». Щебет птиц легко пробивался до слуха прохожих сквозь кроны деревьев. Издали слышался звон церковных колоколов. А вот Ангара не шумела, хотя течение ее было сильным. Она просто бежала по своим делам уверенно, широко и без оглядки, как самодостаточная женщина.

Алиса вышла из гостиницы и повернула налево, дошла по длинной набережной до парка на острове Юности, вышла из него с другого конца и через переплетение коротких улочек попала в Иркутскую слободу. Местные называют ее «Сто тридцатым кварталом». Это образцово-показательное собрание бревенчатых домов вполне успешно имитировало расцвет имперской России девятнадцатого века в веке двадцать первом. Здесь были и гостиница «Купеческий двор», ресторан «Хмельное подворье» и коктейльный бар «Кружаль». Что бы ни значило это название, звучало оно колоритно.

Выпив кофе и съев шоколадный мусс на террасе кофейни с резными перилами, Алиса двинулась

дальше. Она уже бывала здесь с сестрой и знала, что за слободой, через улицу, будет вход в центральный парк культуры и отдыха, бывший в досоветские времена кладбищем. Вера притащила ее туда в первый же день и заставила читать выставленные в дальней части парка обломки могильных камней.

— Что мы ищем? — спросила тогда Алиса.

— Не знаю, — ответила сестра, переходя от камня к камню. — Фамилию Афанасьев, быть может. Вдруг кто-то из наших тут.

В этот раз Алиса, избегая мрачных закоулков парка-кладбища, шла по центральной дорожке, выложенной новенькой плиткой и полной живых людей. На другой стороне от парка находилось здание городского архива, где занималась поисками Вера. Алиса решила все-таки помочь сестре. Ну или хотя бы попытаться.

За сто шагов до цели ей пришло сообщение:

Захвати дедушкин дневник, если ты еще в номере.

На что Алиса ответила:

А поздно. Я уже подхожу.

Вера разговаривала на крыльце здания архива с немолодым, но очень симпатичным мужчиной. Она стояла спиной к калитке, в то время как ее собеседник видел и улицу за штакетным забором, и весь дворик архива, и подъездную дорожку, на которую уже ступила нога Алисы в зеленых кедах на высокой подошве. Они встретились глазами, и мужчина поспешно отвел взгляд, как будто смутившись.

— Я тут! — шепнула Алиса сестре прямо в ухо, подойдя вплотную.

— А, вот и Алиса, — обрадовалась Вера. — Алиса, это Константин… — она сделала секундную паузу, — …отчество не знаю.

— Можно просто Константин, — элегантно кивнул мужчина и протянул Алисе руку, задержав ее ладошку чуть дольше положенного.

— Алиса, — ответила та, не удержавшись от кокетливой улыбки.

— Константин хотел бы помочь в поисках, говорит, у него есть знакомые генеалоги и доступ к данным военных архивов. Здесь по Афанасьеву Арсению ничего, к сожалению, — пояснила Вера. — Я вчера еще рассказала Косте про дневник. Он заинтересовался, говорит, можно найти других людей по именам. Вероятно, это коллеги или сослуживцы прадеда. Я, растяпа, забыла записи сегодня. И ты сломала систему — вышла из отеля раньше обычного. Помнишь, кто там указан? Ковалев, Артемьев и еще один с такой странной фамилией.

— Не помню, — ни секунды не подумав, сказала Алиса, пока украдкой разглядывала нового знакомого.

Вблизи он казался еще симпатичнее: заостренные черты лица, тонкий нос, серые глаза, идеально гармонирующие с седыми прядями в черных вьющихся волосах. Льняной пиджак скрывал черную футболку, а темно-синие брюки хорошо сочетались с кожаными туфлями. Под футболкой угадывался рельеф подкачанного тела, а не пивной животик, так часто маскирующий пресс мужчин за сорок. Цискаридзе местного разлива. Он опирался на эбонитовую трость с серебряной рукояткой в форме орлиной головы. Эта деталь придавала ему загадочности и особого шарма.

— Я могу проводить вас до отеля. Изучу дневник и поищу этих людей, пока вы отдыхаете, — предложил Константин, перекладывая трость из руки в руку.

— Нет, спасибо, — отрезала Вера и, подхватив Алису под локоть, добавила: — У нас другие планы.

Займемся уже после Ольхона. Сами. Вы и так потратили на нас много времени. До свидания.

Она быстро утянула оглядывающуюся Алису, но та все же успела воскликнуть слишком громко:

— Ничёсе тут архивариусы!

— Тсс, услышит, — уводя непутевую сестру подальше от симпатичного собеседника, шикнула на нее Вера. — Он не сотрудник.

— О как!

— Да. Сам по себе. Тоже искал что-то. Разговорились, он заинтересовался вдруг, пристал с вопросами. Если честно, мне показалось, что он просто клеится. А сейчас увидела, как он тебя глазами ел, и поняла, что не показалось. Ну его. Сами найдем что надо.

— Ха! Ревнуешь? Ну я-то не против, пусть ест.

— Дурочка, что ли? Он старый для тебя. Мало тебе было Клярова?

При упоминании о бывшем любовнике и по совместительству начальнике, тоже бывшем, Алиса насупилась и, тряхнув рыжими завитками, кивнула:

— Да, ты права, систр, что-то меня несет. Нет старперам! Даешь молодежь!

— Лиса, уймись, — смеялась в ответ Вера.

Сестры все-таки дошли до отеля, чтобы переодеться. С утра было свежо, и Вера слишком утеплилась. А послеполуденное солнце жарило так, что можно было подумать, будто они в Дубае, а не в Сибири. Особенности резко континентального климата: летом плюс тридцать и нечем дышать, зимой минус тридцать и дышать просто больно.

ГЛАВА 2

ПРОРУБЬ

ТАК ХОЛОДНО, что дышать больно. Мороз цеплялся за покрасневшие крылья носа, щипал слизистую и царапал глотку. Будто хотел пробраться в живого человека, выстудить его изнутри, чтобы устроить ледяное жилище для своих детей-ветров. А что там студить? И так сердце холодом объято: ледяное, бесчувственное, людьми выстуженное.

Солдаты переминались с ноги на ногу, проклиная и командира, и конвой, что неспешно вел заключенных к месту расстрела, и самих заключенных. Те совсем раздетые: в рубашке и портках. Сапоги, правда, оставили обоим. А жаль, знатные сапоги, пригодились бы.

Пятый час, до рассвета нескоро. Черное небо без единой звездочки, без намека на светлое будущее, придавило землю, будто крышкою гроба. Но удивительно, как хорошо было видно каждую деталь, каждое движение на белом саване снега.

Четыре бойца Красной армии в суконных шинелях с красными нашивками на рукавах тряслись от холода у только что пробитой ими полыньи. Пока рубили лед, было тепло и весело. Теперь же вспотевшие тела остыли, и мороз кусал их за бока и пятки, как голодный волк. Рядом черточками и крестами валялись

инструменты: кирка, лопата, пила и крюк. Здесь же, приставленные штыками друг к другу, стояли четыре винтовки.

К проруби от белеющей на черном фоне церкви медленно шел комендант — худой, высокий, будто жердь. Мороз кусал и его, но, исполненный торжественностью момента и важностью возложенного на него дела, он не подавал виду. За ним следовали двое приговоренных. Шли след в след: впереди военный, его выдавали выправка и твердость шага, за ним — гражданский. Второй всхлипывал, мотал головой и вновь всхлипывал. По бокам и на пару шагов позади сторожевыми псами плелись конвоиры.

— Замерзнем, паря, быстрее, чем они дойдут, — сказал Леха Ковалев и зло сплюнул. — Покурить бы.

— Разговорчики, — обрезал его Артемьев. Он был старше по званию и руководил рубкой проруби. — Опосля покурим.

— Кого стреляем-то? — стуча зубами, спросил Арсений, самый младший из всей их группы. Это был его первый расстрел.

— Царя-я-я, — чуть нараспев откликнулся его друг Арсалан.

— Царя-я-я, — передразнил его Ковалев. — Дуралей ты. Какова царя? Царя еще в восемнадцатом в расход пустили. А эта гнида белая — верховный командующий их недобитой армии. Но теперя все, паря. Наша взяла окончательно.

— Поднять ружья, — скомандовал Артемьев, поскольку процессия во главе с комендантом почти уже дошла до места.

Конвоиры, тыкая в заключенных дулами пистолетов, поставили их перед прорубью. Гражданский оглянулся на черное окно в белом ледяном окаймлении, перекрестился, опустил голову к груди. Военный

смотрел прямо. Лицо его, словно высеченное из того же льда, что и панцирь реки Ушаковки, ничего не выражало.

Солдаты выстроились в десяти шагах от приговоренных. Конвоиры присоединились к четверке ледорубов. Комендант встал слева от расстрельной группы и, подняв руку, скомандовал:

— Гото-о-овсь… це-е-е-е-ельсь… пли!

Арсений зажмурился и нажал на курок. Приклад ударил его в плечо, запах пороха ущипнул за ноздри вслед за морозом. Оглушающий рев выстрелов со всех сторон сменился звенящей тишиной. Открыв глаза, он ничего не увидел. На мгновение показалось, что тьма кромешная окончательно захватила бренную землю, растворив в себе и людей, и снег, и его самого. Но дым рассеялся, и парень понял, что все по-прежнему. Только у проруби нет больше тех двоих. И всего-то.

Комендант дал команду «вольно» и пошел обратно к церкви. В этот раз быстрым шагом, похлопывая себя по плечам в тщетной попытке согреться. Остальные семенили за ним, не рискуя обгонять. Только Арсений задержался у проруби, вглядываясь в алые пятна на белой простыне льда. Вода в черном окне рукотворной полыньи казалась недвижимой, но Арсений знал, что это не так. Течение Ушаковки несло свои воды и все, что в них попадало, в Ангару — царицу сибирских рек, дочь Байкала.